

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОТРУДНИЧЕСТВА: МОДЕЛЬ 2014–2015**

№ 21 / 2015

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2015

УДК 327.7(5)
ББК 66.4(5),61

**Российский совет по международным делам
Институт Дальнего Востока РАН**

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член–корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторский коллектив:

докт. ист. наук **С.Г. Лузянин** (руководитель, введ., гл. 1, закл.); канд. экон. наук **В.А. Матвеев** (гл. 2);
канд. полит. наук **Л.Н. Смирнова** (гл. 3)

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; **Л.В. Филиппова**; **Д.О. Холопова**

Лузянин, С.Г.

Л83 Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – 36 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.
ISBN 978–5–91891–433–5

Рабочая тетрадь посвящена деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ее влиянию на регион Центральной Азии, другие сопредельные зоны и государства. Актуальность обусловлена национальными интересами безопасности России в регионе Центральной Азии, связана с необходимостью разработки и принятия долговременной *Стратегии развития ШОС до 2025 г.* В документе даны различные сценарии развития организации, ее вероятная реакция на кризисные ситуации в регионе, в том числе в Афганистане, возможности ключевых игроков (России и Китая) по усилению ее потенциала, а также варианты расширения состава постоянных членов и взаимодействия со странами–наблюдателями (Индией, Пакистаном, Ираном и Монголией). Проанализированы возможности и препятствия усиления геополитической роли ШОС, даны практические рекомендации.

УДК 327.7(5)

ББК 66.4(5),61

Авторский коллектив благодарит генерал–лейтенанта запаса, канд. воен. наук **А.Ф. Клименко**, Чр. и Полн. Посла, канд. ист. наук **М.А. Конаровского**, канд. ист. наук, доц. **А.Н. Карнеева**, **И.Е. Денисова**, **А.А. Пруцких**, канд. полит. наук **А.А. Кирееву**, проф. **У Дахузю** и проф. **Фэн Юйцзюня** за экспертные комментарии по темам, обозначенным в рабочей тетради.

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет–портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper21

Содержание

Введение. Постановка проблемы	4
1. ШОС в системе международных организаций и международных отношений	6
1.1. Региональное и глобальное измерения ШОС. Проблемы расширения организации	6
1.2. ШОС и ОДКБ. Повестка безопасности, вызовы и возможности организации	9
1.3. Возможности силовой трансформации ШОС. Нужно ли усиление военного компонента?	10
1.4. Выводы и предложения	13
2. ШОС и торгово-экономическая сфера: от двустороннего к коллективному взаимодействию	14
2.1. Обзор торгово-инвестиционного сотрудничества стран – членов ШОС	14
2.2. Перспективы межбанковского экономического сотрудничества в рамках ШОС. От двустороннего к многостороннему	17
2.3. ШОС и транспортно-логистическое взаимодействие в регионе	19
2.4. Выводы и рекомендации	21
3. Гуманитарные связи стран – членов ШОС	24
3.1. «Мягкая сила» в центральноазиатском измерении: конкурентные преимущества России и пути их сохранения	24
3.2. Университет ШОС: региональный образовательный центр или «евразийская зона высшего образования»?	27
3.3. Выводы и рекомендации	31
Заключение. Резюме, сценарии развития ШОС	33
Об авторах	35

Введение. Постановка проблемы

Председательство России в ШОС

11–12 сентября 2014 г. на саммите глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Душанбе (Таджикистан) председательство в организации перешло к России, которая будет осуществлять его до следующего саммита 10 июля 2015 г. в Уфе. Какие проекты и предложения будут вынесены на Уфимский саммит российским руководством в рамках своего председательства? Какие принципиально новые задачи возникают перед организацией в текущем году?

Из относительно новых направлений следует выделить:

- 1) завершение разработки и официальное принятие на Уфимском саммите долговременной Стратегии развития ШОС до 2025 г.;
- 2) радикальное расширение границ организации: вступление в ряды стран – членов ШОС Индии и Пакистана, являющихся в настоящее время наблюдателями, повышение статуса Белоруссии от партнера по диалогу до уровня страны-наблюдателя;
- 3) начало реализации стратегического «сближения» трех евразийских проектов – ШОС, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП).

Из «старых», традиционных задач организации на повестке остаются:

- поиск эффективных механизмов многостороннего торгово-экономического, инвестиционного, транспортного сотрудничества, значительно отстающих от двусторонних форматов;
- усиление кооперации в сфере региональной безопасности в свете вывода войск западной коалиции из Афганистана и нарастания афганского вызова, угроз со стороны движения «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ);
- создание Банка развития ШОС и Резервного фонда ШОС.

Реализация обновленной повестки организации происходит в условиях жесткой конфронтации России с западным миром. Для России ШОС приобретает особую значимость. Фактически речь идет о большой геополитике, особенно с учетом возможного вступления Индии и Пакистана в ряды постоянных членов ШОС. Расширение организации, несомненно, усилит открытость ШОС, повысит ее международный авторитет и увеличит ее возможности в экономическом плане и сфере безопасности.

Обновленная повестка содержит кооперационный потенциал по восстановлению отношений сотрудничества с Западом. Ресурсы и возможности организации, особенно в области безопасности, транспортного, инвестиционного, энергетического сотрудничества, объективно обуславливают шансы на новый диалог со странами Запада.

Экспертный дискурс

Из российских исследований по текущей проблематике ШОС следует выделить монографию проф. С.Г. Лузянина, в которой проанализированы традиционные направления деятельности организации в сферах безопасности, экономики и гуманитарного взаимодействия¹. Вышел ряд работ РСМД под руководством члена–корреспондента РАН И.С. Иванова, экспертов ИДВ РАН по вопросам региональной безопасности в Центральной Азии, а также специальные исследования проф. А.В. Лукина, Чрезвычайного и Полномочного Посла В.Я. Воробьева, бывшего национального координатора России в ШОС, Чрезвычайного и Полномочного Посла К.М. Барского и других².

Общий лейтмотив исследований китайских ученых – поиск возможностей для гармоничной кооперации между ШОС, ЕАЭС и ЭПШП, «без поглощений и ущемлений чьих–то интересов»³. При этом в китайских подходах просматриваются и критические нотки по поводу возникшего «застоя» в деятельности ШОС и необходимости ее обновления или реформирования⁴.

В предложенной рабочей тетради по ШОС авторы предприняли попытку:

- определить соотношение (совпадений и несовпадений) национальных интересов России и Китая в Центральной Азии и ШОС;
- проследить традиционные и новые вызовы и угрозы для ШОС и региона в целом, включая афганский вызов;
- оценить возможности для взаимодействия организации с НАТО и ОДКБ и радикального усиления военно–политических компонентов в деятельности и структуре ШОС, включая возможность эволюции ее структуры;
- исследовать торгово–экономические, инвестиционные и транспортные ресурсы организации;
- выявить потенциал гуманитарной сферы;
- дать общие и частные выводы и рекомендации по развитию ШОС.

¹ Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества. 2013–2015 гг. Прогнозы, сценарии и возможности развития. М., 2013.

² Перспективы сотрудничества России и США в Центральной Азии. Совместная оценка / Российский совет по международным делам; под ред. И.С. Иванова. М., 2014; Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / Российский совет по международным делам; под ред. И.С. Иванова. М., 2013; Лузянин С.Г., Гордиенко Д.В. Оценка уровня безопасности стран Северо–Восточной и Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2013.

³ Шанхай Хэцзо Цзуджи Фачжань Баогао. 2013. Бэйцзин: Чжунго Шэхуй Кэсюэ Юань Элосы Дун Оу Чжун Я Яньцзюэ, 2013 (Развитие Шанхайской организации сотрудничества. Ежегодный доклад. 2013 г. / Под ред. проф. Ли Юньцюаня. Пекин, 2013); Чжун Я Гоцзя Фачжань Бао Гао. 2013. – Бэйцзин: Чжунго Шэхуй Кэсюэ Юань Элосы Дун Оу Чжун Я Яньцзюэ, 2013 (Развитие государств Центральной Азии. Ежегодный доклад. 2013 г. / Под ред. проф. Ли Юньцюаня. Пекин, 2013).

⁴ Чжан Нин. Чжун Я итихуахэцзоцзицзинци дуй Шанхай Хэцзо Зуцжи да Инсян // Чжунго Шэхуй Кэсюэ Юань Элосы Дун Оу Чжун Я Яньцзюэ, № 12. Бэйцзин, 2013. С. 56–71 (Механизм сотрудничества интеграции Центральной Азии и его влияние на Шанхайскую организацию сотрудничества // Исследование института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН. 2013. № 12. С. 56–71).

1. ШОС в системе международных организаций и международных отношений

1.1. Региональное и глобальное измерения ШОС. Проблемы расширения организации

С каждым годом усиливается роль и влияние Шанхайской организации сотрудничества как на региональном, так и на глобальном уровне. В настоящее время в результате институционального и политико-экономического развития вес ШОС в мировых делах значительно усилился, в том числе с учетом деятельности организации в ООН, взаимодействия с такими структурами, как «Группа двадцати», НАТО, АСЕАН, БРИКС и другие. ШОС – один из быстро формирующихся центров многополярного мира. Расширение института наблюдателей за счет включения Афганистана, создание группы стран – партнеров по диалогу, куда входят Турция, Белоруссия и Шри-Ланка, также усиливает влияние организации в различных частях мира⁵.

В сфере безопасности ШОС в ближайшие два года ждут нелегкие испытания на центральноазиатском направлении. Как известно, усиливаются неопределенность и тревожные ожидания конца 2015 г., связанные с заявлениями американской администрации о выводе войск западной коалиции из кризисной Исламской Республики Афганистан (ИРА) и о переводе военно-политической ответственности на Администрацию президента ИРА.

Негативным фоном для организации остается усиление диспропорций в экономиках стран Центральной Азии, обострение водно-экологических, социальных проблем, рост негативного влияния в регионе исламского фундаментализма, в частности движения ИГИЛ.

Между глобальным и региональным позиционированием ШОС пока нет явных противоречий. Более того, возможный переход Индии и Пакистана из наблюдателей в постоянные члены усилит и глобальную, и региональную повестку организации, учитывая в том числе большой опыт Индии по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, а также немалые инвестиционные и технологические ресурсы страны.

Участие Индии в качестве постоянного члена объективно даст дополнительные шансы и возможности усилить отстающее звено – многостороннее экономическое сотрудничество в ШОС. Одновременно, в рамках организации фактически произойдет институализация треугольника «Россия – Индия – Китай», который в форме самостоятельного проекта существует с 2001 г. Просматривается перспектива и усиления трехстороннего взаимодействия в формате «Россия – Монголия – Китай».

Для России обновленная ШОС в условиях экономических и политических санкций Запада становится не только источником материальных (валютно-финансовых, торговых, инвестиционных и пр.) ресурсов, но и дополни-

⁵ Более подробно см.: Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества. 2013–2015 гг. Прогнозы, сценарии и возможности развития. М., 2013.

тельной возможностью для восстановления диалога с Западом, ослабления конфронтационных тенденций. В рамках наметившейся политической логики закономерным было бы рассмотреть возможность перехода ряда стран – партнеров по диалогу (Белоруссия, Турция) в группу стран–наблюдателей.

Принципиально важной с точки зрения российско–китайской координации интересов в Евразии является попытка сближения трех соседних проектов – ЕАЭС, ШОС и ЭПШП. Фактически речь идет о проекте формирования долговременной евразийской политики ШОС. Повестка Уфимского саммита 2015 г. должна отразить данный процесс.

Пока три проекта (ШОС, ЕАЭС и ЭПШП) развиваются параллельно, независимо друг от друга, создавая даже определенную конкуренцию в транспортных, энергетических и торгово–экономических сферах. В экспертных кругах рассматриваются различные варианты дальнейшего развития событий, в частности:

- а) поглощение предложенным Китаем проектом ЭПШП остальных двух и создание единой интеграционной зоны под эгидой КНР;
- б) сохранение нынешнего «статус–кво»;
- в) создание структуры взаимодействия, в которой бы ШОС играла центральную (связующую) роль «евразийского моста» между проектом «Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом.

При анализе возможностей кооперации ШОС, ЕАЭС и ЭПШП, видимо, следует исходить из двух базовых положений. Во–первых, между российским и китайским видением освоения Евразии изначально имеются отдельные несовпадения. В частности, они касаются темпов (сроков) региональной интеграции и маршрутов транспортных «коридоров».

Волевым решением полного и абсолютного «евразийского альянса» между РФ и КНР достичь невозможно. Базовые (транспортные, энергетические, инвестиционные и пр.) интересы РФ и КНР не во всем и не всегда совпадают. Поэтому «евразийский компромисс» двух стран должен строиться на обоюдном движении друг к другу, включая взаимные уступки в данных сферах.

Во–вторых, характер интеграционных инициатив – ШОС, ЕАЭС и проекта ЭПШП – пока до конца не определен, перспективы их слияния или соразвития тоже не ясны. Однако само выдвижение этих проектов свидетельствует о наличии нескольких версий региональной интеграции как в рамках ШОС, так и вокруг нее.

Часть китайских экспертов считает, что возникновение проекта ЭПШП – это открытая реакция руководства КНР на замедление и неэффективность ШОС, что китайская версия евразийской интеграции и развития, охватывающая 21 государство от Восточной Азии до Среднего Востока, намного масштабнее и эффективнее. Следовательно, именно на ней все страны, включая Россию, должны сосредоточить свои усилия и ресурсы.

Следует признать, что предложенный китайский проект ЭПШП действительно носит скорее глобальный (евразийский) характер. Однако при всей значи–

мости предложений Пекина ЭПШП пока является концепцией, в то время как ШОС, пройдя этапы институционализации (с 2001 г.), стала де-юре и де-факто полноценной международной организацией шести постоянных членов, действующих на условиях полного консенсуса.

Итоги саммита ШОС в Душанбе (Таджикистан) 11–12 сентября 2014 г.

По итогам саммита была принята Душанбинская декларация⁶, даны положительные оценки выполнению Плана действий 2013–2017 гг., реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС и Перечня мероприятий по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках ШОС на 2012–2016 гг. и др.

Принципиально новым моментом была поддержка всеми членами ШОС «восстановления мира на Украине и продолжения переговорного процесса... совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины и инициатив Президента России»⁷. Был определен порядок предоставления статуса государства – члена ШОС, обновлен меморандум «Об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса государства – члена ШОС».

Косвенным, но важным итогом стало укрепление двусторонних и трехсторонних форматов сотрудничества стран – участников ШОС на полях саммита. Встреча В. Путина и И. Каримова была принципиально важна для обеих сторон. Учитывая, что президент Узбекистана накануне саммита находился с визитом в КНР, видимо, узбекский лидер пытается найти дополнительные ресурсы для укрепления региональной безопасности.

В основе нового «узбекского вовлечения» в том числе лежит и отказ узбекского руководства Вашингтону по вопросу размещения американских военных баз на территории страны, и поддержка Ташкентом украинского пункта итоговой Душанбинской декларации, других российских инициатив.

На полях саммита состоялась историческая встреча трех глав государств: Владимира Путина (РФ), Си Цзиньпина (КНР) и Цахиагийн Элбэгдоржа (Монголия). Теоретически для Монголии сохраняется «зеленый свет» для перехода из статуса страны-наблюдателя в постоянные члены. Накануне саммита в сентябре 2014 г. Монголию с визитами посетили председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В.В. Путин. Очевидно, что Душанбинский саммит положил начало формированию треугольника «Россия – Монголия – Китай», который и экономически, и регионально может со временем также расширить границы «неамериканского мира» на монгольском направлении, несмотря на наличие во внешней политике Улан-Батора концепции «третьего соседа» (США, Япония, Республика Корея и Европейский союз).

⁶ Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 12.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4750>

⁷ Там же.

1.2. ШОС и ОДКБ. Повестка безопасности, вызовы и возможности организации

В своей деятельности ШОС исходит из усложнения и дифференциации вызовов и угроз в 2014–2015 гг. в регионе. Повестка безопасности будет отражать следующие реалии:

- 1) сохранение универсального характера организации как организации стратегического партнерства;
- 2) формирование с помощью ШОС и ОДКБ (де-факто) дихотомной центральноазиатской системы безопасности, в которой основную роль играет ОДКБ, особенно с учетом реформ 2012 г., – создание Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР)⁸;
- 3) свертывание кооперации между Россией (ОДКБ) и США (НАТО) по вопросам борьбы с трансграничным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркотрафиком в регионе Центральной Азии, включая возможность закрытия для войск западной коалиции (ISAF) северных (центральноазиатских) коридоров отхода из Афганистана;
- 4) резкая радикализация афганского вызова, в том числе за счет подключения ресурсов ближневосточного экстремистского движения ИГИЛ, возможность распада Афганистана на несколько частей, углубление общей нестабильности в регионе.

Как известно, на двустороннем уровне многие центральноазиатские члены ШОС и ОДКБ связаны программами в рамках проекта НАТО «Партнерство ради мира». Взаимодействие организаций с НАТО представляет собой достаточно противоречивый процесс. С одной стороны, имеются общие (объективные) интересы безопасности и сотрудничества по Афганистану, борьбе с наркотрафиком и другими угрозами.

С другой стороны, проекты ШОС и ОДКБ в сфере безопасности выступают в регионе как конкуренты проектам НАТО. С учетом украинского кризиса противоречия в системе ШОС/ОДКБ – НАТО еще более обострились.

Зоны ответственности ШОС и ОДКБ в значительной степени пересекаются как функционально, так и географически. Из семи стран, входящих в ОДКБ, пять представлены в ШОС, а из шести стран – участников ШОС пять входят в ОДКБ. Две структуры до 2007 г. не имели никаких совместных документов о взаимодействии и сотрудничестве. Показательно, что в 2007 г. оба альянса проводили параллельные военные учения – «Рубеж» (ОДКБ) и «Мирная миссия» (ШОС). С 2007 по 2013 г. происходило постепенное сближение двух проектов, особенно после подписания в 2007 г. «Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества»⁹. Условно можно выделить 4 особенности взаимодействия ОДКБ и ШОС:

- наличие правовой основы – Меморандум 2007 г.;
- поддержание режимов консультаций и обмена информацией;
- взаимные приглашения на мероприятия организаций;
- разработка совместных программ военного сотрудничества.

⁸ Как известно, в ШОС отсутствуют постоянно действующие силы коллективной обороны.

⁹ Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Секретариатом ШОС // ИнфоШОС.
URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=31>

1.3. Возможности силовой трансформации ШОС. Нужно ли усиление военного компонента?

ШОС по уставным документам не является военным блоком или военно-политической структурой, жестко сохраняя баланс между тремя основными направлениями деятельности: сферой безопасности, экономикой и гуманитарной сферой. Вместе с тем в последние годы все чаще стали раздаваться голоса о необходимости «военной модернизации» организации.

На усиление военного компонента работает институт ежегодных совместных антитеррористических учений «Мирная миссия». 24–29 августа 2014 г. состоялись очередные учения на территории Внутренней Монголии КНР, в которых участвовало 7 тыс. военных из Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Узбекистан от участия в учениях воздержался¹⁰.

В ШОС, как известно, действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС), институт регулярных совещаний министров обороны стран-участников, встреч начальников генеральных штабов и пр.¹¹ Среди экспертов РФ и КНР не один год обсуждается возможность дальнейшей эволюции организации в сторону усиления военно-политического компонента. Так, заместитель директора Института стратегических исследований Академии национальной обороны НОАК Мэн Сянцин в интервью агентству Синьхуа заявил, что в условиях усиления вызовов и региональных угроз, необходимо повысить уровень боеспособности государств – членов ШОС¹².

С российской стороны одним из наиболее авторитетных сторонников усиления военно-политической составляющей без изменения статуса организации является генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук, заместитель руководителя Центра стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН А.Ф. Клименко. Приводим полностью систему аргументаций и выводы российского военного эксперта:

«С приобретением Афганистаном статуса наблюдателя при ШОС организации придется пойти на более плотное вовлечение во внутриафганское урегулирование. В определенной степени это повышает риск, но дает и дополнительные возможности политического влияния в ИРА. Вместе с тем, по оценкам большинства экспертов, вывод Западом войск коалиции из Афганистана может напрямую затронуть интересы безопасности каждого из участников ШОС. Даже самый благоприятный сценарий предполагает, что нынешняя власть сохранится лишь в Кабуле и части провинциальных центров. При менее благоприятных условиях может начаться полномасштабная гражданская война. Активизируется работа исламистских организаций в Афганистане с последующим нарастанием нестабильности, вплоть до ближневосточных сценариев. При этом не стоит упускать из виду, что мы будем иметь дело не только с талибами или отдельными исламистскими организациями типа “Хизб-ут-Тахрир”, но и с группировками движения “Ис-

¹⁰ Агентство Синьхуа, 25 августа 2014 г.

¹¹ Агентство Синьхуа, 29 августа 2014 г.

¹² Агентство Синьхуа, 29 августа 2014 г.

ламское государство”, которое стремится распространить объявленный им халифат на все пространство “Большого Ближнего Востока”. Активизировав свою террористическую деятельность, боевики ИГИЛ, имеющие на вооружении танки и артиллерию, действуют не хаотично, а на основе разработанной стратегии с четко поставленными целями. Не исключено, что в качестве одной из таких целей будет Центрально-Азиатский регион. Афганские и пакистанские талибы уже наладили связи с руководством созданного на территориях Сирии и Ирака “Исламского государства” и готовы оказать ему поддержку, что было продемонстрировано видеообращениями их лидеров, размещенными в Интернете, в которых они открыто призывают население стран Центрально-Азиатского региона с оружием в руках сражаться на их стороне и стороне ИГИЛ.

Угроза распространения влияния ИГИЛ в Центральной Азии с сопутствующим укреплением позиций радикального исламизма в регионе объясняется наличием восприимчивой к этой идее социальной базы, способной возрасти в численности в случае активизации сторонников ИГИЛ по их возвращении на родину. Установлено, что в рядах афганских и пакистанских талибов и боевиков в Сирии и Ираке воюет около 4 тысяч выходцев из центральноазиатских стран, а на территории Северного Вазиристана (Пакистан) созданы “Исламское движение Восточного Туркестана” и “Исламское движение Узбекистана”. Они прошли военную подготовку и обросли международными связями.

Среди экспертов и политологов все активнее обсуждается тема возможного повторения событий «арабской весны» уже в странах Центральной Азии. При организации экспансии радикалов из Афганистана в первую очередь их целью могут стать Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Это логично вследствие геополитического положения этих стран, позволяющего концентрировать на их территории боевиков для действий по всем ключевым направлениям, включая Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая.

Недостаточное противодействие наркоторговле в Афганистане со стороны ISAF привело к формированию разветвленной сети наркотрафика, опутавшего всю Евразию. По данным Управления по борьбе с наркотиками и международной преступностью, доля этой страны в мировом производстве опиума выросла почти до 90% в 2013 г.

ШОС, обладая внушительным потенциалом, не является полноценным институтом региональной безопасности, продолжая находиться в состоянии поиска собственной идентичности. В отличие от блоковой структуры страны – участники ШОС создали механизм взаимодействия, который предусматривает неприменение силы или угрозы силой, исключает ведение военной деятельности, в том числе при нарушении стабильности в регионе.

Государства ШОС, как известно, находятся в масштабной «дуге нестабильности», начинающейся в Северной Африке и на Ближнем Востоке и проходящей через Кавказ и Каспий в Центральную и Южную Азию. В этих условиях перед потенциальными военными угрозами уже сейчас необходимо предпринимать превентивные меры. На наш взгляд, необходимо усиливать военную составляющую региональной системы безопасности, прежде всего ОДКБ.

Вместе с тем геополитический потенциал ШОС больше, чем у ОДКБ, и шире пространственно. Но механизмов реагирования на новые угрозы и вызовы государствам ШОС явно недостаточно. Такие меры, как заявления генерального секретаря, созыв внеочередного заседания совета министров или секретарей советов безопасности ШОС, направление миссий ШОС для ознакомления с обстановкой на месте, не могут считаться адекватными в условиях нарастающих военных угроз.

В качестве первоочередной задачи участникам ШОС следует, видимо, усилить правовую базу военного сотрудничества. Это могут быть договоры о взаимопомощи, которые гарантируют неприкосновенность границ, оказание силовой поддержки в случае военной угрозы. Эти договоренности будут давать гарантии безопасности странам Центрально-Азиатского региона, а также станут своеобразной «страховочной мерой» перед надвигающейся внешней угрозой всему пространству ШОС.

Наряду с совершенствованием правовой основы ШОС необходимо принимать и военные меры, направленные на более полную реализацию уставных документов этой организации. Очевидно, что необходимо создание в рамках ШОС механизмов многостороннего военного сотрудничества по всему спектру центральноазиатских проблем безопасности и обороны. Организация должна обладать способностью не только к осуществлению превентивных мер, но и к проведению как минимум всего спектра миротворческих операций (по поддержанию мира, принуждению к миру и др. в соответствии с Уставом ООН).

Целесообразно инициировать вопрос об учреждении Координационного комитета по военному сотрудничеству (ККВС) в качестве постоянно действующего органа ШОС. Такой орган способствовал бы росту эффективности военно-технического взаимодействия, реализации программ развития вооруженных сил членов ШОС, повышению уровня их подготовки. Наряду с этим он обеспечивал бы координацию военного сотрудничества в рамках ШОС. Но главным предназначением ККВС должно стать оперативное реагирование на угрожающие странам-участникам ситуации. На начальном этапе необходимо проработать вопрос о штатной структуре и системе управления таких сил, их апробации в ходе совместных учений для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Основываясь на имеющемся опыте функционирования международных организаций по безопасности, не обязательно содержать в ШОС миротворческий контингент войск на постоянной основе. В обычных условиях силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве организации, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений, маневров и решения конкретных задач.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Вектор силовых усилий ШОС не направлен за пределы территории стран – участниц организации. В области безопасности она намерена действовать только в ответ на возможную угрозу. Но если эта угроза отчетливо проявляется, дальнейшее бездействие было бы большим риском.

Таким образом, ШОС может превратиться в реальный фактор региональной и мировой политики лишь при: а) усилении её военно–политической составляющей; б) развитии договорно–правовой базы в сфере безопасности, включая неприкосновенность границ, оказание взаимопомощи в случае военной угрозы; в) совершенствовании военно–политической структуры организации».

1.4. Выводы и предложения

В рамках дальнейшего взаимодействия ШОС с ЕАЭС и ЭПШП просматривается тренд на сближение проектов. Исходя из российских интересов, целесообразно начать сближение с северного направления (ШОС – ЕАЭС), в том числе за счет усиления Евразийского банка развития китайским банковским капиталом. Интеграцию по южному направлению (ШОС – ЭПШП) следует скорее всего развивать на следующем этапе, поскольку он объективно содержит больше трудностей и «ловушек» для РФ, учитывая необходимость согласования российско–китайских транспортных, энергетических и др. интересов. Вместе с тем не исключено и параллельное сближение интеграционных проектов по обоим направлениям.

Формирование в ближайшее время расширенного варианта организации 6 + 2 (Индия, Пакистан) тактически выгодно России. С одной стороны, новые возможности ШОС позволяют России, используя глобальные ресурсы организации, более активно позиционировать себя на международной арене, снижая негативные последствия экономических и политических санкций Запада. С другой стороны, внутри ШОС российско–индийская «связка» будет объективно уравнивать китайско–пакистанское «звено». Организация будет более гармонична и сбалансирована. При этом сохранение «права вето» за каждым членом придаст уверенности центральноазиатским государствам организации, особенно странам со слаборазвитой экономикой (Таджикистан и Киргизия).

Военно–политическая эволюция ШОС (без изменения статуса) давно назрела. В условиях неопределенности относительно направления развития ситуации в сфере безопасности и реальной возможности эскалации террористических угроз усиление силового компонента ШОС выгодно всем государствам – участникам организации. Развитие сложившихся институтов (РАТС, ежегодных военных учений «Мирная миссия», совещаний министров обороны, начальников штабов армий) и создание новых форматов (миротворческого контингента, комитета по военному сотрудничеству и др.) дает возможность повысить потенциал сотрудничества в области безопасности в рамках организации. При этом в условиях углубления кооперации ШОС и ОДКБ целесообразным представляется сохранение сложившейся двухуровневой структуры региональной безопасности. Данная модель должна строиться исключительно на оборонительной доктрине защиты и упреждения внешних угроз безопасности и территориальной целостности стран – участников ШОС и ОДКБ.

2. ШОС и торгово–экономическая сфера: от двустороннего к коллективному взаимодействию

2.1. Обзор торгово–инвестиционного сотрудничества стран – членов ШОС

Продолжают интенсивно развиваться как двусторонние торговые отношения России и Китая, так и торговля каждого из лидеров блока с другими странами – членами ШОС. В 2006 г. товарооборот КНР с регионом оценивался в 11 млрд долл., в 2010 г. – 29, в 2012 г. – 36, в 2013 г. – 40. По итогам 2014 г. товарооборот резко сократился до 25 млрд долл. Такое резкое сокращение товарооборота произошло из–за скачков курсов их национальных валют к рублю и доллару и, соответственно, к юаню во второй половине 2014 г., а также резкого снижения конкурентоспособности товаров центральноазиатских стран на китайском рынке.

Таблица 1. Торговля Китая со странами Центральной Азии – членами ШОС (млн долл. США)

Страна	2010	2011	2012	2013	2014
Казахстан	20 449	24 961	25 682	28 595	17 182
Киргизия	4 200	4 976	5 162	5 137	1 233
Узбекистан	2 483	2 167	2 875	4 551	4 272
Таджикистан	1 433	2 069	1 857	1 965	2 516
Всего	28 564	34 173	35 576	40 250	25 203

Источники: показатели за 2009–2013 гг. из статистики Государственного бюро статистики КНР¹³, показатели за 2014 г. (кроме Киргизии) из статистики Международного торгового центра (Trade Map)¹⁴, показатели Киргизии за 2014 г. из статистики Министерства экономики Киргизии¹⁵.

Торговля Китая со странами Центральной Азии (ЦА) имеет «классическую» для взаимоотношений развитых и сырьевых стран структуру. В центральноазиатском экспорте преобладают топливо и сырье, а в импорте – товары широкого потребления.

В последние годы определилось несколько важных тенденций в торговых отношениях Китая со странами–партнерами из ЦА. Главной из них является закрепление в качестве бесспорного лидера Казахстана, обеспечивающего устойчивый и расширяющийся экспорт углеводородов. В то же время торговые отношения с Киргизией и Таджикистаном носят неустойчивый и несбалансированный характер. Эта проблема усугубляется высокой кредитной

¹³ Чжунхуа жэньминь гун хэ го гоця тунци цзюй (Государственное бюро статистики КНР). URL: <http://data.stats.gov.cn>

¹⁴ Market Analysis and Research // International Trade Centre (Trade Map). URL: <http://www.trademap.org>

¹⁵ Анализ внешней торговли // Министерство экономики Кыргызской республики. 30 апреля 2015 г. URL: http://mineconom.gov.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=102&Itemid=172&lang=ru

задолженностью этих стран КНР. Так, Чрезвычайный и Полномочный Посол Таджикистана в КНР Рашид Алимов в своей монографии показал экономическую «анатомию» формирования и развития «неравнобесных, асимметричных пар» (на примере китайско-таджикской модели)¹⁶.

За последние пять лет Китай обошел Россию не только в части приобретения товаров и сырья, ранее традиционно вывозившихся в Россию, но и в части конкуренции за рынки сбыта с российскими предприятиями¹⁷.

Внешнеторговый товарооборот России со странами ЦА за период 2000–2013 гг. вырос в 5 раз (с 6 до 31 млрд долл. США). В 2010–2013 гг. высокие темпы роста товарооборота России с регионом обуславливались бурным ростом российско-казахстанской торговли в рамках Таможенного союза (ТС) (табл. 2). За 2013 г. товарооборот вырос на 10,6%, что сопоставимо с показателем торговли с Китаем (13%).

Таблица 2. Внешняя торговля стран Центральной Азии с Россией (2008–2014 гг., в млн долл. США)

Страна	2010	2011	2012	2013	2014
Казахстан	15 139	19 765	22 428	23 519	21 051
Киргизия	1 384	1 453	1 830	2 140	1 817
Таджикистан	887	810	745	762	928
Узбекистан	3 447	3 967	3 715	4 100	н.д.
Всего регион	20 857	25 995	28 718	30 521	23 796

Источник: показатели за 2009–2012 гг. из статистики Минэкономразвития РФ, показатели за 2013–2014 гг. из статистики Федеральной службы государственной статистики¹⁸.

В 2008–2012 гг. баланс внешнеторгового оборота всех стран ЦА с Россией был отрицательным, импорт из России существенно превышал экспорт в Россию.

В то же время за 2014 г. из-за резких колебаний рубля к доллару и сокращения импорта произошло общее сокращение товарооборота с регионом за счет снижения торговли с Казахстаном и Киргизией.

В настоящее время Россия продолжает иметь статус второго по значимости торгового партнера с Центрально-Азиатским регионом.

Преобладающими экспортными товарами из государств Центральной Азии в Россию остаются природные ресурсы и сельскохозяйственное сырье, а также продукция химического производства. Россия ввозит в регион в основном готовую продукцию и частично сырье.

Центральноазиатский рынок важен для России с точки зрения экспорта готовой продукции. Здесь реализуется значительная доля российского экс-

¹⁶ Алимов Р.К. Таджикистан и Китай. Курсом стратегического партнерства. М., 2014.

¹⁷ Доклад ПРООН о человеческом развитии в Центральной Азии. 2014. С. 14.
URL: http://www.europeandcis.undp.org/files/uploads/_rbec%20web/cahdr/cahdr_ru/02%20cahdr%20rus%20I-XVIII.pdf

¹⁸ О состоянии внешней торговли в 2014 году // Федеральная служба государственной статистики.
URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/35.htm

порта продовольствия, машин и транспортного оборудования, а в последние годы и текстильной продукции. В регионе в первой половине 2000–х гг. потреблялось до 27% экспортируемых из России машин и транспортного оборудования. Однако доля промышленных товаров в общем объеме российского экспорта в ЦА снизилась с 66% в 2005 г. до 52% в 2010 г., уступая место сырью¹⁹.

Особенностью российского экспорта в Центральную Азию является снижающаяся доля высокотехнологичной продукции: она сократилась с 1997 по 2010 г. почти вдвое (с 19 до 10%). Доля среднетехнологичных товаров уменьшилась с 30% в 2002 г. до 16% в 2010 г. Возросла лишь доля низкотехнологичных товаров с 16,6% в 2002 г. до 22,4% в 2009 г.²⁰

Определенную роль в сокращении российского экспорта сыграло слабое развитие механизмов его поддержки в России. Существующая система государственных гарантий относит страны Центральной Азии к высокой группе риска с минимальными предельными объемами гарантий²¹. Это снижает заинтересованность российских предприятий в инвестициях в экономику региона и приоритетность сотрудничества с ним. Слабо ориентированы на стимулирование сотрудничества со странами ЦА и другие программы поддержки экспорта: возмещение за счет бюджета части процентных ставок по экспортным кредитам; предоставление субсидий на поддержку субъектов малого и среднего бизнеса, производящих и реализующих экспортные товары.

Общая стоимость внешнеторгового оборота между странами ШОС в 2013 г. превысила 150 млрд долл., при этом больше половины оборота (около 58%) приходится на взаимную торговлю Китая и России. Доля внутрорегиональной торговли стран ЦА в общем внешнеторговом объеме стран – участниц ШОС пока невелика – около 3%. Отмечается невысокий уровень взаимной торговли стран ЦА. Он составляет от 15–20% во внешнеторговом обороте Узбекистана и Киргизии до 5% (и ниже) во внешней торговле Казахстана²².

Все большую актуальность для стран ЦА приобретают вопросы реального участия в процессах интеграции. 8 мая 2015 г. были подписаны документы о присоединении Киргизии к ЕАЭС²³. Экспертами прогнозируется, что включение Киргизии (возможно, и Таджикистана) в проект евразийской интеграции позволит повысить качество жизни в этих республиках.

Особую ценность в условиях углубления региональной кооперации приобрели валютно–финансовые резервы Китая, которые активно используются правительством КНР как для агрессивной скупки ресурсных активов

¹⁹ Синицина И. Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы. Университет Центральной Азии. Доклад № 5. Бишкек, 2012. С. 13.

²⁰ Там же.

²¹ Распоряжение Правительства РФ «Перечень иностранных государств, экспорту промышленной продукции в которые в 2008–2010 гг. оказывается государственная гарантийная поддержка с учетом предельных ежегодных объемов гарантирования» от 25.04.2008 № 566-р // Справочная правовая система «Гарант».
URL: <http://www.base.garant.ru/12160087>

²² Доклад ПРООН о человеческом развитии в Центральной Азии. 2014. С. 15.
URL: http://www.europeandcis.undp.org/files/uploads/_fbec%20web/cahdr/cahdr_ru/02%20cahdr%20rus%20I-XVIII.pdf

²³ Главы ЕАЭС подписали документы о присоединении Киргизии // ИА Regnum. 8 мая 2015 г.
URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1922821.html>

центральноазиатских стран, так и для кредитной поддержки национальных компаний в регионе. По объемам капиталовложений в экономику ЦА Китай является крупнейшим инвестором. За 2001–2012 гг. объем китайских инвестиций увеличился в 21 раз (более 22 млрд долл.)²⁴. Значительные средства КНР вкладывает в регион через Азиатский банк развития (АБР). По линии ШОС в 2009 г. КНР выделила странам – членам организации льготный кредит на 10 млрд долл. для поддержки финансовой стабильности. В июне 2011 г. Эксимбанк Китая, через который проводятся основные финансовые вливания в Центральную Азию, увеличил кредитную линию до 12 млрд долл. и уже реализовал свыше 50 социально–экономических проектов в странах региона²⁵.

Общая сумма китайских инвестиций, например, в Казахстане на конец 2013 – начало 2014 г. составила 18,9 млрд долл., из которых 15 млрд сосредоточены в энергетической сфере. В 2013 г. стоимость контрактов, подписанных в Казахстане в ходе визита главы Китая Си Цзиньпина, составила в общей сложности 30 млрд долл. Совокупные инвестиции Поднебесной в узбекскую экономику в 2012 г. превысили 4 млрд долл. Основная часть китайских вложений направлена в топливно–энергетический сектор, а также в разработку природных ресурсов республики. В сентябре 2013 г. сумма контрактов, подписанных в Узбекистане, составила 15 млрд долл. Системный характер приобретает оказываемая таджикским властям антикризисная помощь КНР. В сентябре 2013 г. Китай согласился предоставить Киргизии кредиты объемом около 3 млрд долл. на энергетические и инфраструктурные проекты, 1,4 млрд из которых пойдут на строительство трубопровода в Китай²⁶.

2.2. Перспективы межбанковского экономического сотрудничества в рамках ШОС. От двустороннего к многостороннему

Экспертное сообщество разделяет мнение о том, что экономическое взаимодействие стран ШОС находится в глубоком кризисе. Во многом это связано с разностью экономических потенциалов стран группировки (асимметричное, неравновесное партнерство), отсутствием финансовых механизмов развития организации (Банка развития ШОС), наличием депрессивных трендов в экономиках беднейших стран региона.

Китай объективно выступает в роли модератора и создания Банка развития ШОС, действующего исключительно на рыночных механизмах. Россия предлагает уточнить концепцию создаваемой модели, опасаясь дальнейшего усиления доминирования КНР в финансово–инвестиционной сфере организации.

Вместо Банка развития Москва предлагает усилить Евразийский банк развития за счет вхождения Пекина. Это предложение (до Душанбинского сам–

²⁴ Кузьмина Е.М. Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии: Научный доклад. М., 2013.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

мита) неоднозначно воспринималось китайским руководством. Однако накануне саммита в Душанбе в китайском подходе наметился явный перелом в пользу России. Возможно, что российская идея укрепления Евразийского банка совпала с китайским вариантом расширения евразийского интеграционного пространства за счет подключения к нему проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

Продолжаются заседания экспертов по проекту основных принципов формирования и функционирования Специального счета ШОС. Отлаживаются механизмы проектного финансирования как важнейшего пункта финансирования многосторонних проектов. В двусторонних проектах механизм финансирования, как правило, отлажен, в то время как в многосторонних он менее проработан.

В странах ЦА положительно относятся к намерениям Китая использовать взаимодополняемость экономических структур региона как важнейший фактор развития трансграничного хозяйственного взаимодействия. КНР располагает широким спектром сравнительных преимуществ, прежде всего в трудоемких отраслях легкой промышленности, производстве бытовой техники и электроники. Большинство стран ЦА имеют обширный природно-ресурсный потенциал, а также являются рынком сбыта для китайских товаров широкого потребления и технической продукции. Поэтому для стран региона наиболее перспективно расширение производственной кооперации в сферах геологической разведки, добычи и переработки полезных ископаемых, сооружения объектов инфраструктуры, тепло- и гидроэнергетики, сельского хозяйства.

Интересы России, как известно, все больше фокусируются на формировании ЕАЭС. Китай в рамках своего проекта ЭПШП делает акцент на контакты с 21 государством Евразии и Среднего Востока, предлагая им свою концепцию развития. При этом институционально ЕАЭС ушел уже достаточно далеко по пути интеграции, и Россия сохранила свой статус второго (после КНР) крупнейшего торгового партнера региона. Таможенный союз, как известно, установил заградительные барьеры для «внешних» игроков, включая КНР, что вызывает недовольство и нарекания Пекина. Возникающие противоречия между Россией и Китаем, тем не менее, не выходят на уровень официальных отношений.

В этих условиях Россия не может устраниваться от скрытого (пока) вызова китайского интеграционного проекта ЭПШП и/или тормозить развитие китайской инициативы. При этом четких очертаний (даже на экспертном уровне) измерений практического сотрудничества и взаимодействия различных проектов пока нет. КНР в рамках ШОС продолжает практику наращивания двусторонних экономических отношений при безусловной поддержке высокого политического формата российско-китайского стратегического партнерства.

Китайские эксперты отмечают, что развитие экономической интеграции в регионе не должно означать, что страны ЦА автоматически попадут под китайский контроль и в регионе сформируется зона «тотального китайского влияния»²⁷. Вполне возможным представляется «дозированное» китайское участие в нескольких региональных экономических проектах.

²⁷ Новый Шелковый путь: стратегические интересы России и Китая: интервью с Чжао Хуашеном // Российский совет по международным делам. 20 декабря 2013 г. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=2883#top

России в этих условиях целесообразно сосредоточить усилия на развитии внутри–региональной производственной кооперации в обрабатывающей промышленности: машиностроении, электронике, химической и некоторых других отраслях, прежде всего в изготовлении высокотехнологической наукоемкой продукции. Указанные направления взаимодействия могут стать пунктами «дорожной карты» долгосрочного развития ШОС и явиться отправной точкой Стратегии долгосрочного развития ШОС.

Созданная в 2012 г. Российская корпорация сотрудничества со странами Центральной Азии пытается привлечь государственные и частные инвестиции в перспективные производства региона: гидроэнергетику, высокотехнологичную промышленную сборку, птицеводство и т.п., однако в силу отсутствия значительных финансовых средств активного движения в данном направлении пока не просматривается.

Сохраняет свой потенциал Межбанковское объединение (МБО) стран – членов ШОС, созданное главами правительств (премьер–министрами) государств – членов ШОС в 2005 г. при подписании Соглашения о МБО²⁸. В состав Межбанковского объединения вошли крупнейшие коммерческие банки этих стран, заинтересованные в активизации деятельности на экономическом пространстве ШОС, в частности Банк развития Казахстана, Государственный банк развития Китая, Внешэкономбанк, Национальный банк Таджикистана, Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана. Создание Межбанковского объединения стран – членов ШОС открывает большие возможности для развития экономик стран данной организации.

В настоящее время ведущим проектом в сфере межбанковского сотрудничества является разработка регламента взаимодействия банков – членов МБО по отбору, оценке и реализации инвестиционных проектов ШОС. Данный регламент носит функциональный характер и призван установить единые правила, процедуры и методики оценки проектов и их согласования внутри объединения. Координаторы МБО ШОС одобрили работу, проведенную экспертами по подготовке рамочного документа о взаимодействии и сотрудничестве на долговременной основе между МБО и Деловым советом ШОС. Данный документ поможет сформировать, организовать и интенсифицировать дальнейшее сотрудничество этих двух ведущих структур на экономическом поле ШОС²⁹.

2.3. ШОС и транспортно–логистическое взаимодействие в регионе

На Пекинском саммите ШОС 2012 г. была провозглашена программа разработки совместных инвестиционных проектов инфраструктурного характера. Бишкекский (2013) и Душанбинский (2014) форумы организации подтвердили приоритетность данного направления.

КНР среди стран – членов ШОС занимает лидирующие позиции в сфере транспортных перевозок и создания новых маршрутов. На полную мощность

²⁸ Соглашение о Межбанковском объединении. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=61>

²⁹ Приоритеты региональной интеграции в пространстве ШОС // Жэньминь жибао на русском языке. 31 октября 2007 г. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31521/6294009.html>

запущен альтернативный Транссибу маршрут по Евразийскому трансконтинентальному пути (Ляньюньган – Алашанькоу – Роттердам). У Китая есть планы по строительству новых железнодорожных коридоров в обход России. КНР постепенно создает в Центрально-Азиатском регионе ориентированную на себя транспортную сеть.

В начале 1990-х гг. Китаем был принят крупномасштабный инфраструктурный проект – возрождение «Великого шелкового пути» («Новый Шелковый путь»), в рамках которого было реализовано широкомасштабное строительство транспортных выходов в Центрально-Азиатский регион³⁰. В настоящее время данный проект получил второе дыхание в форме концепции «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), заявленной в 2013 г.

В основе ЭПШП лежит строительство трансконтинентальной транспортной сети от Тихого океана до Балтийского моря. Существующая транспортная сеть, соединяющая КНР с западной частью Евразийского континента, уже не может удовлетворять растущие запросы страны. Наряду с железнодорожным маршрутом Урумчи – Алашанькоу Китай открыл новый железнодорожный маршрут на Хоргос. Планируется строительство железнодорожной магистрали из Кашгара в направлении Киргизии и Узбекистана с дальнейшим выходом на Афганистан и далее на Пакистан и Индию.

В этих условиях перед Россией возникает два варианта ответной реакции:

- а) в рамках проекта ЭПШП подключиться к строительству магистрали «Китай – Центральная Азия – Европа»;
- б) занимать пассивную, выжидательную позицию, концентрируясь на модернизации и усилении транзитного потенциала Транссиба.

Первый вариант мог бы дать определенные дивиденды РФ. При этом очевидно, что развитие Транссиба как основного российского транзитного канала «Восточная Азия – Европа» следует сделать приоритетным направлением, учитывая растущую конкуренцию со стороны китайских дорог.

В настоящее время перевозка товаров из Китая в Европу южным морским путем занимает 45 и более суток; по Транссибу – 18–20 суток; по трассе Ляньюньган – Гамбург через Казахстан – 11–13 суток³¹. Всемирный банк публикует рейтинг логистической инфраструктуры 155 стран мира каждые 2 года³², который составляется по опросам представителей логистического бизнеса. Показателей шесть: таможенные процедуры, транспортная инфраструктура, логистические услуги (таможенные брокеры, транспортные операторы), возможность проследить передвижение грузов, своевременность доставки и сложности в организации международных перевозок.

По индексу логистики 2012 г. рейтинг стран ЦА – членов ШОС выстроился следующим образом: Казахстан – 86-е место, Узбекистан – 117-е, Киргизия – 130-е и Таджикистан – 136-е место из 155. Китай занимает 26-е, а

³⁰ Stretching the Threads. November 29, 2014. URL: <http://www.economist.com/news/china/21635061-impoverished-south-west-china-seeks-become-economic-hub-stretching-threads>

³¹ Central Asia Regional Economic Cooperation. URL: <http://www.carecprogram.org/uploads/events/2012/CFCFA-BNF-WGM/Day1-KAZ-Kazakhstan-Freight-Forwarders-Association-ru.pdf>

³² Logistics Performance Index // The World Bank. URL: <http://www.lpisurvey.worldbank.org>

Россия – 95–е место³³. Особенно низкая оценка странам региона была дана по такому показателю, как таможенные процедуры. Проблемы с таможенным оформлением возникают из-за того, что плохо работает электронный документооборот, не продумана логистика таможенных пунктов, а подъездные дороги к ним в плохом состоянии.

Согласно отчету того же Всемирного экономического форума по оценке уровня развития инфраструктуры информационных и коммуникационных технологий, рейтинг стран ЦА следующий: Казахстан занимает 43–е место, Таджикистан – 112–е, а Киргизия – 118–е³⁴.

Душанбинский саммит дал импульс к подписанию Соглашения между правительствами государств – членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок³⁵. Как известно, четыре страны – члена ШОС не имеют выхода к открытому морю, и наземный транспорт является важнейшим видом коммуникации для развития торговли и экономического сотрудничества.

Соглашение является многосторонним, а не двусторонним, и вступление его в действие дает возможность странам – участницам ШОС устранить существующие барьеры с помощью таких мер, как упрощение документации, процедур, касающихся международных автомобильных перевозок. Перевозчики получают возможность за счет расширения географического охвата снизить транспортные расходы. Реализация данного проекта создает условия для постепенного присоединения сопредельных государств к транспортной инфраструктуре ШОС.

Предполагаемое сооружение трансконтинентальной трассы должно принести пользу всем странам ЦА. Поэтому целесообразно, например, в формате ШОС найти нужные подходы и механизмы к формированию единой транспортной политики в направлении унификации тарифов, участия в капитале транспортно-логистических компаний.

2.4. Выводы и рекомендации

- Для налаживания устойчивых отношений России со странами Центральной Азии, не являющимися членами ЕАЭС, но входящими в ШОС, целесообразно сформировать специальную федеральную программу по интеграционному сближению. Необходимо на государственном уровне стимулировать частные инвестиции в экономику региона (путем предоставления инвесторам, например, льгот по налогу на прибыль). Эта мера могла бы частично сократить отставание РФ от КНР в деле инвестирования в ЦА.
- В инвестиционном взаимодействии стран ШОС доминируют двусторонние проекты стран-лидеров (КНР) с другими странами организации. По объемам капиталовложений в экономику ЦА Китай является крупнейшим

³³ Ibid.

³⁴ The Networked Readiness Index 2013 // World Economic Forum.
URL: http://www3.weforum.org/docs/GITR/2013/GITR_OverallRankings_2013.pdf

³⁵ Правительство Кыргызской Республики. URL: <http://www.gov.kg/?p=28852>

инвестором. При этом, используя ресурсный потенциал региона, КНР не только решает задачу по модернизации национальной экономики, прежде всего сопредельного Синьцзян–Уйгурского автономного района, но также укрепляет свое политическое влияние в этих странах. Россия преимущественно взаимодействует с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией. Системное многостороннее сотрудничество в экономической сфере ШОС продолжает отставать от двустороннего сотрудничества.

- Идет поиск платформы для практического коллективного взаимодействия в формате ШОС. Целесообразно (первоначально на экспертном уровне) определить зоны потенциальной многосторонней кооперации в финансово–экономических, инвестиционных, банковских и транспортных сферах. Необходимо политическими и экономическими средствами сгладить противоречия внутри ЦА, сблизить векторы развития двух евразийских интеграционных группировок – ЕАЭС и ШОС, включая взаимодействие России и Китая на центральноазиатском направлении. Исходя из проекта Стратегии развития ШОС до 2025 г., важно разработать «дорожную карту» формирования многостороннего экономического сотрудничества внутри ШОС и создания механизмов взаимодействия между Секретариатом ШОС и исполнительным органом ЕАЭС (Евразийской экономической комиссией).
- Для России и КНР сфера транспортных перевозок остается одной из наиболее конкурентных. Большую активность проявляет Китай, который создает альтернативную Транссибу сеть по Евразийскому трансконтинентальному пути. При этом интересы России все больше фокусируются на формировании инфраструктуры в рамках проекта ЕАЭС. Развитие китайских транспортных «коридоров» в Евразии для РФ является одновременно и конкурентным фактором, и возможностью региональной транспортной кооперации. Успешность формирования транспортных коридоров для России и Китая будет определяться не столько объемами перевозок, сколько степенью интеграции этих стран в единое экономическое пространство евроазиатского рынка.
- Складываются условия для создания совместных российско– и китайско–центральноазиатских предприятий. Низкая энергоемкость промышленного производства в ЦА, наличие в регионе квалифицированной и недорогой (даже по китайским меркам) рабочей силы могли бы стать факторами конкурентоспособности продукции таких совместных предприятий на внешних рынках. В этой связи целесообразно изучение экспертами макроэкономической рентабельности таких предприятий, прежде всего в электротехнической, энергетической, химической сферах, отдельных отраслях машиностроения, легкой промышленности и сельского хозяйства.
- Практически не раскрыты возможности энергетического сотрудничества в ШОС. Идея «Энергетического клуба» пока не получила должного развития. Необходимо продолжить разработку создания координирующего органа стран – экспортеров нефти и газа организации (включая постоянных членов, наблюдателей и партнеров по диалогу), разработать план развития и координации экспорта и импорта углеводородных ресурсов.

Формирование единого энергетического (углеводородного) рынка ШОС может стимулировать совместные разработки новых, возобновляемых источников энергии – солнечной, ветровой. Принципиально важным для реализации энергетической программы является то, что, несмотря на наличие в сфере распределения энергоресурсов в треугольнике «Россия – Центральная Азия – Китай» точек напряженности, реальных столкновений между российскими и китайскими корпорациями за ресурсы туркменского, казахского или узбекского газа пока нет. Это означает, что политические возможности российско-китайского партнерства достаточны для разрешения отдельных коммерческих противоречий и энергетических «нестыковок».

3. Гуманитарные связи стран – членов ШОС

3.1. «Мягкая сила» в центральноазиатском измерении: конкурентные преимущества России и пути их сохранения

В регионе Центральной Азии Россия соревнуется в привлекательности не только с западными странами, но и с другими игроками, самым крупным из которых является Китай (кроме того, присутствуют Турция, арабские страны). В треугольнике «Россия – Китай – Запад» самым большим конкурентным преимуществом России является языковое: даже если уровень владения русским языком снизился после распада СССР, в регионе русский язык остается более распространенным, чем английский или тем более китайский.

При этом в контексте стратегического партнерства России и Китая отношения в треугольнике «Россия – Китай – Запад» можно было бы рассматривать как 2 + 1, то есть Россия и Китай с одной стороны, а Запад – с другой. Иными словами, рост китайского влияния должен логически привести к снижению влияния Запада и увеличению российско-китайского влияния.

При планировании политики «мягкой силы» в регионе стоит, однако, задуматься над тем, что отношения в треугольнике «Россия – Китай – Запад» могут гипотетически выстроиться и по-другому. Китай обладает финансовыми и инновационными преимуществами по сравнению с Россией и продвигает проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), который впоследствии способен охватить регион Центральной Азии большим количеством инфраструктурных проектов. Транспортная сеть Центральной Азии при этом, вероятно, претерпит значительные изменения: связь региона с внешним миром будет осуществляться уже не только, а может, и не столько через Россию, сколько через Китай и созданную им инфраструктуру.

В отличие от России Китай отделяет от народов региона серьезный языковой барьер: несмотря на усилия Института Конфуция, вряд ли можно рассчитывать, что население стран Центральной Азии быстро овладеет китайским языком (ввиду объективной сложности овладения этим языком на достаточном для профессионального использования уровне). В этой ситуации Китай должен сделать ставку на общение на русском или английском языках. Аргументы в пользу русского языка очевидны и основываются на том, что практически все население региона владеет русским языком. В то же время появляются новые аргументы в пользу использования английского языка. Хотя большой пласт населения центральноазиатских стран – членов ШОС традиционно считал русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение – условием для карьерного роста и выхода в мир, сегодня лучшие специалисты в случае наличия такой возможности дополняют знание русского знанием английского языка. Система же университетского образования Китая хорошо интегрирована в западную систему. Управление на китайских предприятиях с привлечением иностранцев также строится, как правило, на английском языке. В самом Китае, наконец, имеются гораздо большие кадровые ресурсы, владеющие английским языком, нежели русским.

Таким образом, целесообразно задать вопрос: может ли рост влияния Китая в регионе привести не к росту российско–китайского сотрудничества и исключению Запада, а, напротив, к исключению России и превращению Китая в тот цивилизационный мост с большим, прежде всего западным миром, которым до недавнего времени для стран региона была сама Россия?

Ставя этот вопрос чисто гипотетически, подчеркнем, что Китай вряд ли сознательно ставит перед собой такие цели. Скорее Китай рассчитывает на привлечение России к сотрудничеству. Факторы риска исходят прежде всего от самой России, которая сегодня находится в сравнительной международной изоляции и не является ни инновационным центром, ни очагом привлекательности для наиболее квалифицированной рабочей силы. В настоящее время Россия привлекательна главным образом для низкоквалифицированной рабочей силы из Центральной Азии, которая скорее вынуждена, чем стремится отправляться в Россию ввиду отсутствия других опций для заработка. В случае если улучшение транспортной инфраструктуры в регионе запустит новые механизмы экономического развития, уровень квалификации рабочей силы будет повышаться, а привлекательность основных инновационных полюсов сегодняшнего мира – Запада и Китая – может уже в среднесрочной перспективе превзойти привлекательность России.

Что может сделать Россия в этой ситуации?

В условиях возобновившейся конфронтации с Западом можно ожидать усилий западных стран по созданию конкуренции между Россией и Китаем в регионе Центральной Азии. Эта конкуренция коснется и сферы идей, то есть сферы «мягкой силы», при этом могут проводиться самые опасные параллели: например, ряд экспертов уже делает попытки провести сравнения между русскоязычным населением Украины и Центральной Азии.

В интересах России занимать партисипативную позицию по отношению к китайским проектам, таким как ЭПШП, избегать противопоставления российских и китайских проектов, так как только непосредственное участие в них обеспечит необходимый уровень понимания происходящего. Таким образом, можно будет наиболее эффективно находить точки соприкосновения между российскими и китайскими интересами.

У России, несомненно, будет возможность участвовать в китайских проектах, так как сам Китай будет стараться привлечь Россию к сотрудничеству, чтобы соединить языковые преимущества России со своими финансовыми и инновационными возможностями. Кроме того, страны ЦА, вероятно, также будут стараться диверсифицировать источники инвестиций во избежание слишком сильной зависимости от Китая, а следовательно, также будут приветствовать российское участие.

Серьезным вызовом для положения России в регионе является то, что она уже не может эффективно обеспечить качественное русскоязычное образование в регионе ЦА. В советские времена эта задача решалась через систему обязательного школьного образования, и языковое влияние России до сих пор является результатом этой системы. Однако в настоящее время Россия уже не контролирует школьное образование стран ЦА и может поддерживать

свое языковое присутствие только через сравнительно гораздо более слабые, по определению рассчитанные на иностранную аудиторию механизмы (центры «Русского мира», русскоязычные СМИ и т.д.).

В этой ситуации любые контакты жителей региона с Россией будут способствовать сохранению исторических связей и влияния русского языка. К сожалению, как показывает исторический опыт, для ухода языка из употребления достаточно всего одного–двух поколений. Уровень распространенности русского языка различен в разных странах региона и имеет тенденцию к сокращению: если в Казахстане большая часть общения происходит по–прежнему на русском языке, то в Узбекистане и Таджикистане общение происходит в подавляющем большинстве случаев на местных языках.

Сегодня не стоит пренебрегать даже низкоквалифицированными рабочими–мигрантами, приезжающими в Россию из Центральной Азии, которые, овладев русским языком в России, обеспечат его передачу, по крайней мере, еще одному поколению в своей стране. Гибкие иммиграционные законы также будут способствовать сохранению языкового конкурентного преимущества России в регионе Центральной Азии.

Сохранение русского языка в Центральной Азии – мощное конкурентное преимущество России. России важно не столько убедить местное население в своей международной привлекательности, сколько восстановить единое культурное пространство, во многом опирающееся на распространение русского языка.

Образовательное сотрудничество – это самый надежный путь. Оно может принимать разные формы: стипендиальные программы для студентов и школьников, филиалы университетов, совместные университеты, всевозможные образовательные обмены. Только на фоне образовательной общности возможно сохранение популярности российских СМИ и печатной продукции в регионе. Так, в Казахстане, по данным Gallup, рейтинги новостных программ на русском в 1,5 раза выше, чем у аналогичной продукции на казахском языке. В странах региона смотрят либо ретранслируемые российские каналы, либо закупленную местными телеведущими российскую продукцию. В свое время репортажи и передачи российских каналов оказали заметное влияние на рост антиамериканских настроений в Киргизии и изменение статуса авиационной базы Манас.

В регионе пользуется спросом и русскоязычная печатная продукция: так, в Казахстане 75–90% книг, поступающих в продажу, ввозятся из России. В Киргизии на российские научные и научно–популярные книги приходится примерно 70–75% библиотечных фондов в Бишкеке.

Однако при этом Россия не сможет избежать роста влияния Китая в регионе. Россия не может и противиться овладению жителями региона английским и китайским языками. При этом ввиду объективной сложности китайского языка распространение английского языка будет с большой долей вероятности происходить гораздо быстрее, чем распространение китайского, а повышение влияния Китая будет приводить к увеличению владения английским языком.

И все же Россия не должна стремиться ограничивать контакты стран ЦА с Китаем или Западом: нельзя рассматривать влияние в регионе как игру с нулевой суммой. В интересах России превращение заинтересованных в сотрудничестве с Россией государств Центральной Азии в экономически развитые и социально успешные. В конечном счете центральноазиатские государства – это независимые государства, которые делают свой выбор, исходя из соображений извлечения наибольшей выгоды. Как показывает пример Украины, в случае если экономическое развитие региона не будет успешным, они не только не останутся союзниками России, но, напротив, будут склонны винить российское влияние в своих неудачах и все больше удаляться от России в сторону Запада и Китая.

3.2. Университет ШОС: региональный образовательный центр или «евразийская зона высшего образования»?

Идея создания Университета ШОС (УШОС) была выдвинута В.В. Путиным на Бишкекском саммите глав государств ШОС 16 августа 2007 г.³⁶ В основе его организации лежит так называемый сетевой принцип. Это означает, что страны – участницы и страны – наблюдатели ШОС отбирают университеты (всего на данный момент 76 вузов из 6 стран, в том числе 23 российских вуза – МГИМО, МГУ, РУДН и др.³⁷), которые взаимодействуют друг с другом в формате многостороннего сотрудничества, заключающегося в том, что студенты, магистранты, аспиранты и докторанты могут провести от одного семестра и более в любом из университетов–партнеров. Этот формат сотрудничества и называется Университетом ШОС.

Сама по себе идея выглядит перспективной, так как проект охватывает широкий круг участников, сочетает различные образовательные программы и стандарты, а самое главное, удовлетворяет растущую потребность молодежи в изучении проблем ШОС и языков организации у преподавателей – носителей этого языка. Ряд экспертов (А.А. Маслов) и руководителей проекта (ректор университета ШОС В.В. Филиппов и др.) считают его неким азиатским аналогом известной системы Единого европейского образовательного пространства («Болонский процесс»)³⁸. Как известно, «Болонская система» ориентирована на сближение систем высшего образования стран Европы (Россия присоединилась к Болонской декларации в 2003 г.). Формально у обеих систем есть общие черты, но, по сути, в рамках УШОС не достигнут такой высокий уровень мобильности и распространения обменов, как в рамках европейской модели.

Тем не менее реализация этого амбициозного многостороннего проекта сталкивается со значительными техническими сложностями. Во-первых, в странах–участницах действуют различные образовательные программы и

³⁶ Об Университете // Университет ШОС. URL: <http://www.usco.edu.cn/RUS/dxj>

³⁷ Полный список университетов–участников доступен на официальном сайте Университета ШОС. URL: http://www.uni-sco.ru/country/0/country_0.html. Среди вузов–партнеров не указаны вузы из страны – члена ШОС Узбекистана, но присутствует Белорусский государственный университет из страны – партнера по диалогу Беларуси.

³⁸ Ректор РУДН выбран главой университетов ШОС // Известия. 15 января 2003 г. URL: <http://www.izvestia.ru/news/543004>

стандарты (например, магистратура в России и странах Центральной Азии занимает 2 года, а в Китае – 3 года; отличаются требования к количеству академических часов и образовательных кредитов, необходимых для подготовки выпускника, соотношение обязательных курсов и курсов по выбору и т.д.³⁹). Во-вторых, если студенты на постсоветском пространстве, как правило, владеют русским языком в достаточной степени, чтобы проходить на нем обучение, то в случае образовательных обменов с Китаем встает проблема достижения студентами достаточного уровня владения русским и китайским языками соответственно. В-третьих, не до конца понятна логика и структура мобильности – передвижения студентов (бакалавров и магистров) и аспирантов из одного университета в другой. В-четвертых, по словам участников проекта, УШОС сталкивается и с финансовыми проблемами, которые особенно остро стоят в центральноазиатских странах-участницах.

Следует заметить, однако, что указанные сложности не отличаются от тех, с которыми страны сталкиваются при налаживании двустороннего образовательного сотрудничества, а значит, как показывает опыт успешных двусторонних форматов, являются вполне преодолимыми. Если, как признают сами участники проекта, УШОС сегодня развивается недостаточно динамично, то причины этого кроются не в указанных технических сложностях, а скорее в концептуальной недоработанности проекта.

Именно поэтому мы предлагаем взглянуть на УШОС не с технических, а с стратегических позиций. Так, на основе изученных документов УШОС⁴⁰ и бесед с участниками проекта⁴¹ неоднозначными видятся ответы на следующие ключевые вопросы.

Цель проекта: является ли УШОС образовательным учреждением с акцентом на региональной проблематике в учебных программах или интеграционным процессом в сфере образования, своего рода «евразийской зоной высшего образования»?

Задачи: какое значение имеет УШОС в подготовке кадров для Шанхайской организации сотрудничества и ее государств-членов?

Преимущества: какую добавочную ценность приносит формат УШОС университетам-участникам по сравнению с традиционными программами двустороннего сотрудничества в сфере высшего образования?

Цели УШОС как образовательного учреждения с акцентом на региональной проблематике ШОС и как своего рода евразийского аналога «Болонского

³⁹ См.: Методика согласования магистерских программ УШОС // БелГУ.
URL: <http://www.bsu.edu.ru/bsu/structure/detail.php?ID=64238>

⁴⁰ Наиболее полный список документов доступен на сайте Белгородского государственного национального исследовательского университета: URL: <http://www.bsu.edu.ru/bsu/structure/detail.php?ID=64238>. Список документов: (1) Концепция Университета ШОС (принята на совещании министров образования государств – членов ШОС 24 октября 2008 г. в Астане (Казахстан), новая редакция принята на совещании министров образования государств – членов ШОС 23 сентября 2010 г. в Новосибирске (Россия)); (2) Меморандум о сотрудничестве высших учебных заведений Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан по созданию Университета Шанхайской организации сотрудничества (26 апреля 2010 г.); (3) Соглашение о реализации магистерских программ в рамках Университета ШОС; (4) Хартия Университета Шанхайской организации сотрудничества (7 ноября 2011 г.).

⁴¹ Автор благодарит канд. ист. наук, доц. А.Н. Карнеева (МГУ им. М.В. Ломоносова), А.А. Пруцкий (Секретариат ШОС), канд. полит. наук А.А. Кирееву (МГИМО (У) МИД РФ), проф. У. Дахуэя (Университет Цинхуа) и проф. Фэна Юйцзюня (КАСМО) за комментарии по теме УШОС.

процесса» взаимодополняемы, однако, на наш взгляд, должны решаться в разных организационных форматах. Согласно Концепции УШОС, основной миссией университета является осуществление подготовки кадров по специальностям, представляющим приоритетный интерес для развития государств – членов ШОС⁴². Эта цель, а также выбранное название «Университет ШОС» вызывают ассоциации с учебным заведением, исследовательским центром или образовательной структурой. Однако Университет ШОС представляет собой не самостоятельное учреждение, а единую сеть высших учебных заведений стран – членов ШОС. Целью университета в том числе является «развитие интеграционных процессов в области образования, науки и технологий»⁴³, что определяет общие черты проекта и европейского «Болонского процесса».

Для оптимизации роли УШОС в подготовке кадров по специальностям, представляющим приоритетный интерес для развития государств – членов ШОС с сильной региональной составляющей, требуется наладить конкретные профильные образовательные программы. Эту задачу эффективнее решать в рамках организационно единого учреждения, а не достаточно аморфной сети из десятков национальных вузов. Представляется целесообразным выделить УШОС в автономную структуру со своей штаб-квартирой и штатом, отделив его от университетов стран-участниц. УШОС следует иметь по меньшей мере собственный административный персонал. Формат УШОС не требует формирования постоянного профессорско-преподавательского состава: эффективная организация работы возможна путем приглашения преподавателей и экспертов в конкретных областях для проведения тематических курсов и мероприятий, которые могут быть организованы в форме как очного, так и заочного, дистанционного или виртуального обучения. В логистических целях штаб-квартиру УШОС представляется разумным расположить в России или в Китае либо создать представительства УШОС как в России, так и в Китае. В перспективе представительства могут быть открыты и в других странах-участницах проекта, если они выразят такое желание.

Чтобы определить преимущества УШОС по сравнению с программами двустороннего обмена, необходимо установить связь между программами обучения и региональной проблематикой. Однако нецелесообразно делать это по всем направлениям. Сегодня в качестве приоритетных направлений УШОС выделяют семь специальностей: регионоведение, экология, энергетика, экономика, IT-технологии, нанотехнологии и педагогика⁴⁴. Если в дисциплине регионоведения, а также отчасти экологии, энергетике и экономики присутствуют региональные составляющие, то дисциплины IT-технологий, нанотехнологий и педагогики являются общенаучными. Платформе УШОС следует в первую очередь сосредоточиться на дисциплинах с сильным региональным фокусом, а не на общенаучных дисциплинах. Учебные курсы должны иметь прикладной характер и быть нацелены не только на студентов, но и на профессионалов различных областей из стран – членов ШОС.

⁴² Концепция Университета ШОС // БелГУ. URL: <http://www.bsu.edu.ru/bsu/structure/detail.php?ID=64238>

⁴³ Там же.

⁴⁴ Официальный сайт УШОС. URL: http://www.uni-sco.ru/stat/2/stat_2.html

Идея УШОС состоит также в том, чтобы студент имел возможность, начиная с любого семестра, продолжить свое обучение в вузе–партнере. Подобная идея может быть реализована в результате общего сближения образовательных стандартов в рамках евразийского образовательного пространства.

Сближение образовательных стандартов не стоит ограничивать отдельными дисциплинами, скорее целесообразно работать над общим повышением совместимости стандартов высшего образования и мобильности научно–преподавательских кадров и студентов между государствами – членами ШОС. Работа по интеграции в сфере образования может продолжаться в мягком организационном формате на основе консультаций между вузами – участниками проекта и министерствами образования, таком как уже существующие Недели образования ШОС⁴⁵, различные межминистерские и межвузовские консультации, встречи ректоров ШОС и т.д. Результатом этой работы должны стать соглашения о сближении образовательных стандартов, сроков обучения, порядков выдачи дипломов и присуждения степеней в заинтересованных странах, прежде всего членах ШОС.

Подчеркнем, что России следует проявлять гибкость и доверие к партнерам в признании образовательных результатов, достигнутых в других странах. В Китае, например, при отправке студента на обучение за границу пройденные им предметы засчитываются практически автоматически по количеству кредитов, а не по содержанию программы обучения, и студентам не приходится дублировать курс по возвращении на родину после академического семестра или года в зарубежном вузе.

Работа по согласованию стандартов и взаимному признанию образовательных и научных достижений должна подкрепляться стипендиями и грантами по поддержке мобильности научных работников, преподавательских кадров и студентов. Не обязательно стремиться к паритету по количеству участников обменов со странами–партнерами. Логично, что центрами притяжения выступают Китай и Россия как страны с наиболее развитыми в регионе системами высшего образования. Поскольку высшее образование выступает важнейшим элементом «мягкой силы» России, то представляются крайне целесообразными инвестиции в данную сферу в виде стипендий и грантов для выходцев из стратегически важного региона ШОС.

Целью Университета ШОС как формата евразийской образовательной интеграции является повышение качества и привлекательности образования в странах ШОС. Однако развитие УШОС и евразийской зоны высшего образования не может рассматриваться как альтернатива участию России в интеграционных образовательных процессах на Западе. При решении задачи повышения качества образования и престижа евразийской зоны высшего образования на мировом образовательном рынке следует учитывать лучший мировой опыт в сфере образовательной интеграции и развивать сотрудничество с признанными мировыми лидерами высшего образования. Логично ожидать, что рост притягательности российского образования, в том числе и для выходцев из стран ШОС, будет в долгосрочной перспективе связан не только с регионализацией или изучением большим коли-

⁴⁵ Очередная Неделя образования государств – членов ШОС запланирована на 6–9 октября 2014 г. и пройдет в Барнауле // Алтайский государственный университет. URL: http://www.asu.ru/inter_change/sco/week

чеством абитуриентов русского языка, но и с повышением совместимости российского образования с наиболее престижными мировыми образовательными системами.

3.3. Выводы и рекомендации

С точки зрения «мягкой силы» основным конкурентным преимуществом России в регионе Центральной Азии является сохраняющееся владение большинством элит и жителей региона русским языком. Однако Россия уже не в состоянии обеспечивать качественное обучение русскому языку непосредственно через систему школьного образования стран ЦА, как это было в советские времена. Россия может использовать в этих целях другие механизмы (например, развитие институтов и центров «Русского мира» в регионе, дальнейшее формирование единого информационного поля СМИ стран – членов ШОС), однако эти механизмы по определению рассчитаны на иностранные аудитории и несравнимы по влиятельности с существовавшей в СССР системой обязательного школьного образования на русском языке, до сих пор определяющего влияние России в регионе. Следовательно, уровень распространения русского языка и качество владения им пока имеют тенденцию к сокращению.

Образовательные обмены и политика в сфере средств массовой информации, направленная на поддержание владения русским языком в регионе, оказываются лишены смысла при слабости экономических отношений и ограниченности количества и качества вакансий для русскоязычных специалистов из Центральной Азии. Хотя, несмотря на активность Института Конфуция, переход на общение на китайском языке вряд ли состоится в ближайшее время (ввиду объективной сложности овладения этим языком на профессиональном уровне), китайский язык, а также в еще большей степени английский язык в скором времени создадут конкуренцию русскому языку в качестве языков делового общения в регионе.

Для сохранения языкового преимущества России в регионе Центральной Азии в кратко- и среднесрочной перспективе целесообразно активно участвовать в китайских экономических проектах, таких как «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), избегать противопоставления российских и китайских проектов и находить точки соприкосновения между российскими и китайскими инициативами. России необходимо придерживаться позитивной риторики и гибкой иммиграционной практики в отношении иммигрантов из Центральной Азии на территории России, которые также представляют собой человеческие ресурсы для сохранения влияния русского языка в регионе. Наконец, России необходимо осуществлять значительные инвестиции в профессиональные русскоговорящие кадры в регионе Центральной Азии.

В средне- и долгосрочной перспективе России необходимо решить структурную задачу своей экономической и инновационной привлекательности для элит и профессионалов из Центральной Азии, не отказываясь при этом от сотрудничества как с Китаем, так и после нормализации отношений со странами Запада. Россия не сможет «нивелировать» растущее экономическое присутствие Китая в регионе ЦА, как и не сможет противодействовать овладению жителями региона английским и китайским языками. В интересах

России превращение союзнически настроенных государств ЦА в экономически развитые и социально успешные. В случае если экономическое развитие региона не будет удачным, как показывает пример Украины, центральноазиатские государства будут отдаляться от России, влияние которой они будут винить в своих неудачах, и возьмут курс на сотрудничество с другими партнерами.

Важнейшим проектом гуманитарного направления деятельности ШОС является инициированный Россией в 2007 г., однако развивающийся с переменными успехами Университет ШОС. Для придания импульса развитию проекта УШОС, на наш взгляд, представляется логичным реализовывать его по двум направлениям. Во-первых, это Университет ШОС как самостоятельное образовательное учреждение, напрямую не связанное с администрациями конкретных национальных вузов. В таком формате УШОС станет базой для подготовки кадров для организации и стран ШОС по дисциплинам с основополагающей региональной составляющей (например, регионоведение; отчасти экономика, экология, энергетика). Во-вторых, это «евразийская зона высшего образования», за основу которой можно взять существующие наработки в рамках сети университетов стран ШОС. Работу можно не ограничивать специальностями с региональной составляющей. Напротив, общие стандарты евразийского образовательного пространства по наибольшему количеству дисциплин будут способствовать повышению мобильности ученых, преподавателей и студентов, что благоприятно отразится на всех формах сотрудничества в регионе.

Заключение. Резюме, сценарии развития ШОС

Логика развития организации в настоящее время в качестве ключевого ставит вопрос о необходимости скорейшего принятия долгосрочной Стратегии развития ШОС до 2025 г. Разработка стратегии завершается в текущем году в рамках российского председательства, и ее принятие планируется на Уфимском (2015) саммите организации. При этом для РФ и КНР, как и для других постоянных членов и наблюдателей, важно наличие четких ориентиров, целей и средств их реализации на ближайшую и долгосрочную перспективу. Принятие стратегии позволит также реально оценить возможности интеграционного развития Евразии, включая взаимодействие ШОС с иными проектами в регионе – ЕАЭС и ЭПШП. Складывающийся консенсус российских аналитиков по позиции России в ШОС свидетельствует о том, что экономическая интеграция в рамках организации и ее взаимодействие с проектами ЕАЭС и ЭПШП актуальны в долгосрочной перспективе. Очевидно, что реализация такой масштабной задачи будет носить многоэтапный характер и потребует выработки консолидированного мнения всех членов организации.

Целесообразно использовать значительный геоэкономический потенциал стран – наблюдателей и стран – партнеров по диалогу организации для создания механизмов их участия в многосторонних проектах сотрудничества и осуществления ими прямых инвестиций.

Происходит постепенное укрепление силового блока и институтов ШОС, отвечающих за сферу региональной безопасности. Принципиальным (политическим) моментом является сохранение неболового, невоенного характера организации, являющейся комплексной международной структурой, направленной на развитие экономического, гуманитарного сотрудничества, предотвращение вызовов и угроз, поддержание стабильности в регионе.

Вместе с тем просматривается ряд вызовов организации: а) нерешенность вопроса создания Банка развития ШОС; б) афганская угроза, включая появление на территории Афганистана зон влияния ИГИЛ; в) отставание многостороннего экономического сотрудничества от двусторонних форматов.

В этих условиях теоретически существуют два возможных **сценария ответа на вызовы развития ШОС** на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Умеренный сценарий предполагает сохранение нынешнего уровня и спектра взаимодействия стран – членов ШОС, сосредоточение на институциональных вопросах развития и сдержанное отношение к существенному расширению организации, особенно группы ее постоянных членов. В рамках данного сценария вызовы организации (отсутствие банка, усиление негативного влияния Афганистана, отставание многостороннего сотрудничества) могут быть ослаблены за счет активного сближения проектов ШОС, ЕАЭС и ЭПШП, включая банковско-финансовую и транспортную сферы и усиление контртеррористических составляющих.

Оптимистический сценарий предполагает более радикальные ответы на вызовы и угрозы за счет расширения группы постоянных членов ШОС (Индия, Пакистан), усиления глобальной (геополитической) составляющей, ком-

плексного развития инфраструктуры организации на основе многосторонней кооперации, запуск Банка развития и/или обновленного Евразийского банка, углубления военно–политической (без изменения статуса) и инвестиционной составляющих ШОС. Очевидно, что в основе сценария лежит также дальнейшее сближение РФ и КНР в рамках стратегического партнерства и начало кооперации между тремя евразийскими проектами – ЕАЭС, ШОС и ЭПШП.

Важным ресурсом развития и ответом на вызовы может стать интеграция Индии и Пакистана в ШОС в качестве постоянных членов. Расширение подчеркивает и подтверждает открытость организации, повышает ее международный авторитет, расширяет ресурсы и возможности многостороннего торгово–экономического и инвестиционного сотрудничества, усиливает ресурсы региональной (Афганистан, ИГИЛ) безопасности. Одновременно включение Индии и Пакистана потенциально создает возможности для диалога стран – членов ШОС с Западом.

Данный сценарий предполагает более эффективное использование возможностей ШОС для принятия скоординированного решения странами – членами сообщества, и прежде всего странами Центральной Азии, Китая и России, по углублению интеграции в области общего рынка труда и по финансированию развития профессионального образования.

Важным дополнением экономического сотрудничества могла бы стать «миграционная повестка», предполагающая развитие миграционной инфраструктуры ШОС, формирование банков данных о вакансиях, создание миграционных бирж, сближение законодательства по регулированию вопросов трудовой миграции, формирование системы социальных льгот, экономические оценки целесообразности привлечения иностранной рабочей силы и ее легализации и др.

Об авторах

Лузянин Сергей Геннадьевич – докт. ист. наук, профессор, и.о. директора Института Дальнего Востока РАН, эксперт РСМД

Матвеев Владимир Александрович – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС Института Дальнего Востока РАН, эксперт РСМД

Смирнова Лариса Николаевна – канд. полит. наук, иностранный эксперт-преподаватель Сямэньского университета, эксперт РСМД

Российский совет по международным делам

**ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА:
МОДЕЛЬ 2014–2015**

Издательство «Спецкнига»

Тел. +7 (495) 744–61–79

www.specialbook.net

Оформление — О.В. Устинкова

РСМД благодарит К. Кузьмину за помощь в подготовке рабочей тетради к публикации.

На обложке использованы фото (источники указаны сверху вниз и слева направо):
www.sco-russia.ru, REUTERS/Shamil Zhumatov/Pixstream, REUTERS/Mikhail Klimentyev/Pixstream

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,25. Тираж 500 экз.